

Право скривать

Франсиско Мартинес

В Нарве школьная учительница Катя хранит за тяжелой металлической дверью сломанную балалайку, бабушкины туфли и стопку советских песенников. Наверху она преподает на государственном эстонском языке. Внизу собирает нескончаемые архивы.

Катя включает фонарик, и подвал выступает на свет. Полки прогибаются под старыми книгами. У стены стоит сломанная балалайка. «На ней моя бабушка играла», – говорит Катя,

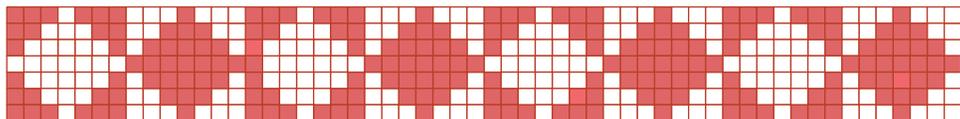

стряживая пыль с треснувшего грифа. Рядом старый советский радиоприемник. «Все это часть моей памяти». Однажды, добавила Катя, это радио поможет ей объяснить будущим детям, что такое технический прогресс.

Подвал – это не просто склад. Это социальная технология, которая позволяет законсервировать, отложить в долгий ящик все, что не вошло в сценарий настоящего.

В подвалах мы играем в лотерею с будущим.

Арсений, начинающий кинорежиссер из Нарвы, хранит реквизит для задуманных фильмов в трех разных подвалах. «Чтобы идеи не пропали зря», – объясняет он. Для него это не реликвии утраченного прошлого, а семена возможного будущего.

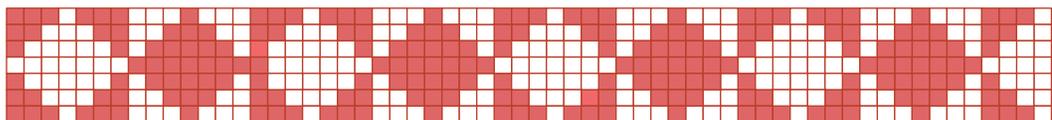
Хрупкие объекты прячутся в темных углах, пока не смогут снова увидеть свет. Пользоваться ими означает отказываться признать, что будущее уже предрешено.

Когда я выходил из подвала в Нарва-Йыэсуу, Ирина велела мне спрятать подаренную ею православную икону в сумку, чтобы не заметили соседи.

На русскоязычном северо-востоке Эстонии – в Нарве, Силламяэ, Кохтла-Ярве – самоидентичность выражается не только в том, что человек декларирует, но и в том, что он скрывает. Подвалы позволяют жителям тянуть с решениями, смягчать конфликты и сохранять амбивалентность в контексте, требующем выбора.

Необходимость скрывать делает их жизнь особо пластичной. Это способ создать обратимую дистанцию, позволяющий избежать прямого конфликта.

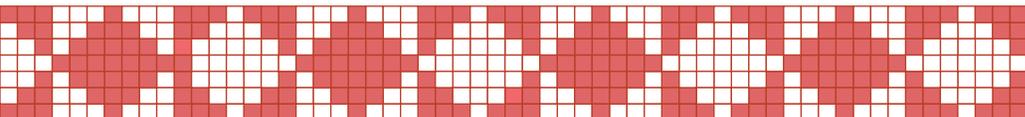

Жертвенные территории

Регион Ида-Вирумаяа расположен вдоль границы между ЕС и Россией. Это наиболее промышленно развитый, а с демографической точки зрения – наименее эстонский регион Эстонии. Здесь говорят по-русски примерно 85% жителей.

Многие из них приехали сюда еще в советское время, чтобы работать на сланцевых шахтах и электростанциях. Некоторые до сих пор остаются владельцами т.н. серых паспортов, получив статус «без гражданства», предоставляемый Эстонией после обретения независимости в 1991 году тем, кто не захотел или не смог сдать экзамен по эстонскому языку. В эту категорию не определившихся попали более 50 000 человек по всей стране.

С момента полномасштабного вторжения России в Украину в 2022 году регион Ида-Вирумаа стал линией геополитического раскола. Из общественных мест убраны советские военные памятники. Реформа образования ускоряет переход к обучению на эстонском языке. Избирательные права не-граждан отменены. Общественный дискурс обострился.

В Таллинне часто видят в Ида-Вирумаа требующую решения проблему – угрозу для безопасности, неудачу интеграционного эксперимента, некую неловкость, грязный угол – то есть геополитический риск, а не живой мир.

Люди упоминают Ида-Вирумаа как «не вполне Европу», «переехать туда – все равно что попасть в Сибирь», «близко к Мордору».

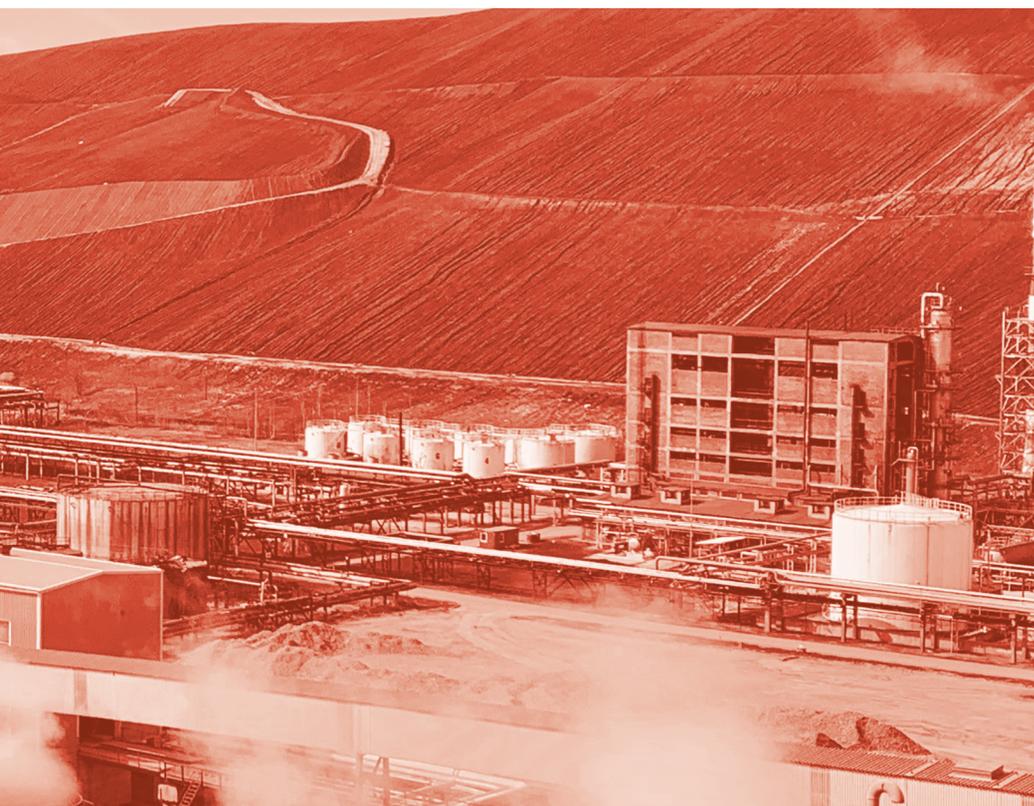
В этом регионе язык, лояльность и принадлежность постоянно подвергаются проверке. Его можно назвать

периферией Европы, которой злоупотребляют, жертвуют и за которой присматривают. Граница между Германией и Бельгией начинается на реке Нарва.

Горючий сланец, для местных «кукерсит», здесь добывают уже более ста лет. В период между мировыми войнами Эстония экспортировала его в нацистскую Германию. При Сталине сланец обеспечивал электроэнергией Ленинград. В советское время его промышленное производство многократно возросло. Ландшафт преобразился: выросли черные терриконы, были загрязнены грунтовые воды, множились военные объекты, а местных жителей депортировали в настоящую Сибирь.

На сегодня Эстония – единственная страна в мире, где горючий сланец остается одним из основных источников энергии. Сланцевая отрасль вносит значительный вклад в ВВП, одновременно производя большую часть промышленных отходов страны.

Загрязнение не заканчивается с закрытием шахты. Добыча оставляет после себя особый экологический след: не только загрязнение почвы и воздуха, но и стигматизацию, чувство неполной принадлежности, полу-пустоту, химический душок.

На электростанции VKG менеджер по коммуникации как-то полушутя сказал мне: «Дышите глубже. Это запах денег».

Отравляют одни, а отравляются другие.

С 1990 года Кохтла-Ярве потерял две трети населения. Дети из шахтерских городов чаще болеют респираторными заболеваниями. Зольные терриконы возвышаются подобно горам мрака. Подземные воды загрязнены тяжелыми металлами, которые здесь зачастую столь же незаметны, сколь и агрессивны.

Когда шахта закрывается, ее воздействие не исчезает. Оно проникает в легкие; в то, как люди относятся к официальным институтам; в то, как местное сообщество представляет себе будущее.

Таким образом, инфраструктура становится культурой.

И тогда нормальной ответной реакцией становится скрытность.

Консервация прошлого

В подвале мы вспоминаем завтра.

Дима хранит в подвале свое детство: игрушки, школьные учебники, кассету советской рок-группы «Кино», видеокассеты с мультфильмом «Ну, погоди!». «Все это части моей личности», – говорит он. Он не может это выбросить.

Подвал стал для него капсулой времени. В отличие от наследия и памятников (публичной декларации того, что следует помнить и активно защищать), скрытые объекты создают возможность тихой неформальной педагогики. Они содержат диссонирующие воспоминания, не утвержденные инстанциями.

76-летний Валерий лаконично заявляет, что ему больше не нужно читать книги о Че Геваре. «Но почему вы их храните?» – спрашиваю я. Он пожимает плечами. Его подвал в Нарве – настоящий культурный холодильник. Место, где можно задвинуть что-нибудь в угол, чтобы стать к этому безразличным.

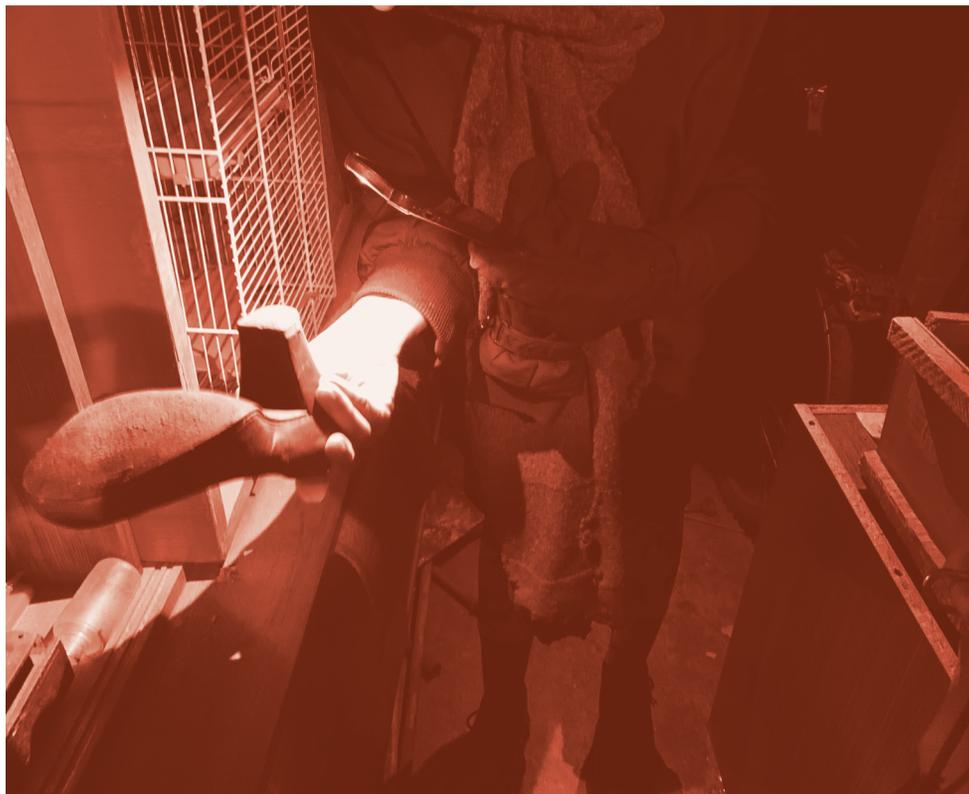

Чтобы жить хорошо, всегда могут понадобиться тайники, скрывающие от света часть вашего «я». Остающиеся вне поля зрения теневые пространства, которые могут усложнять взаимоотношения с инстанциями, но не обязательно враждебны. В таких зонах картинка теряет разрешение. Они сопротивляются требованию разделить прошлое на четкие категории: оккупанты или освободители, эстонцы или русские, коммунисты или европейцы.

Дима работает техником в Силламяэ и утверждает, что у него «не квартира, а сарай», и здесь порядок необязателен. Тем не менее, Диме, кажется, немного стыдно открывать дверь сарая; он хранит в нем такие вещи, как деревянные санки и старые лыжи, доставшиеся от отца. Дима говорит, что не может это выбросить, пока отец жив, поэтому тянет с наведением порядка в сарае и с принятием трудных решений.

Для многих открыть кому-то дверь в свой подвал все равно что раскрыть интимную тайну незнакомцу. Алексей,

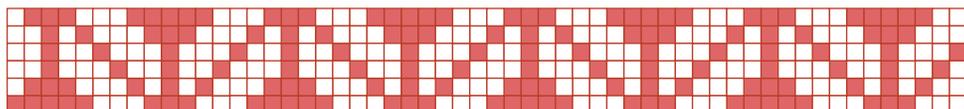
например, сказал, что я смогу увидеть семейный подвал в Нарве-Йыэсуу «только когда бабушка уедет».

Изучать подвалы значит сделать объектом исследования темноту. Когда вы спускаетесь по узкой лестнице, меняется акустика, усиливается эхо, воздух становится прохладным и отдает минералами, здесь парит пыль, странные запахи, гаснет свет, непонятные знаки, влажность, паутина, смутные предметы.

Мы выходим из подвала не тем же путем, каким вошли.

Общезвестные тайны

Подземный мир прекрасен, пока остается под землей.

Если следы подземных выработок хорошо заметны на местности, горные туннели могут оставаться невидимыми до тех пор, пока не обрушатся.

Рене рассказывает, как собака провалилась в колодезь, внезапно открывшийся посреди парка в Кохтла-Нымме. В результате нескольких дней поисков собаку нашли – живую, но обезвоженную.

Площадь территорий, затронутых добычей полезных ископаемых, составляет более четырехсот квадратных километров (почти 1 процент площади Эстонии).

В Музее горючих сланцев в Кохтла-Ярве стоит на полке металлический цилиндр. Он был обнаружен в 1996 году внутри памятника «Слава труду» – скульптуры советской эпохи, изображающей двух шахтеров. В цилиндре оказалось письмо, которое разрешается открыть только в 2046 году. Слухи о его содержании ходят десятилетиями. Как сообщается, послание сулит, что город станет сильнее, счастливее, красивее и, в конечном счете, коммунистическим.

В 1971 году, когда была запечатана капсула, будущее представлялось сингулярной линией прогресса.

Сейчас цилиндр полузабыт, но его не выставляют на всеобщее обозрение из опасений, что могут украсть. Это тайна, известная всем. Общеизвестная, но не раскрытая. Интересно, что в официальных отчетах имеются расхождения относительно веса, размеров цилиндра и даты, когда его следует открыть.

В регионе полно таких «капсул»: хранилище отходов секретного предприятия по переработке урана, военные объекты прошлого и настоящего, полуразрушенные жилые дома, электростанции, крупнейший в Европе завод переработки редкоземельного сырья. Прибыль от имеющихся предприятий уходит в другие страны, а отходы остаются.

Слова о безопасности и национальных интересах скрывают суть повседневной жизни в регионе. И все же в трещинах между ними остается жизнь. И сейчас можно увидеть, как люди поливают растения на облезлых фасадах, покупают мороженое на заправке возле ствола шахты или выгуливают собаку в окружении промышленных развалин и прогнивших труб.

Некоторые из них могут даже пригласить вас на чай – как Елена Мутонен. Она живет в доме под снос, угол которого обрушился из-за провала. В свободное время Елена собирает битую плитку и выкладывает мозаику вокруг лестничной клетки. «Наберитесь терпения, и вы сможете это сделать», – говорит она. Мозаика заполняет дыры, смягчает разруху. «Мне хочется сделать жизнь людей менее напряженной».

Ее ремонт – это медленная реконструкция, жест доброты к окружающим; терпеливая переработка испорченного материала становится политической в обществе, привычном к грандиозным нарративам сверху.

В Силламъяэ, бывшем закрытом ядерном городке, группа пенсионеров создала на лесной поляне Чудомъяэ: гирлянды на деревьях, скамейки, резные фигурки, более сотни заботливо расставленных игрушек. «Нам негде было тусоваться, – объясняют они. – Наши внуки выросли, а игрушки остались».

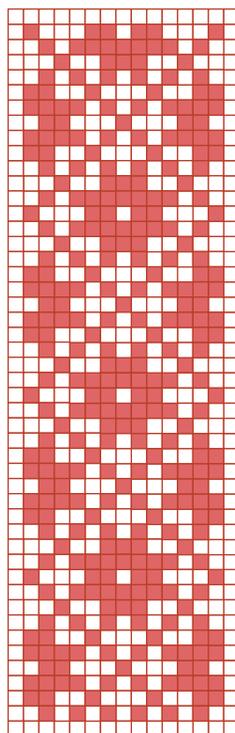

И мозаика, и Чудомяэ переосмысливают отходы. Они создают непрерывность в условиях пост-разрушенной нормальности, где ничего не исправлено, но жизнь, тем не менее, продолжается.

Интеграция и связанные проблемы

Сто лет назад в Восточной Эстонии нередко можно было слышать польский, немецкий, финский, шведский и латышский языки; в 1930-х годах в таких местах, как Нарва или Кивиыли, появлялись банды, так что мальчики носили огнестрельное оружие. Если бы такое шоу, как Реакту Blinders, снималось в Эстонии, действие происходило бы в восточном регионе.

С момента восстановления независимости Эстония проводит проект выстраивания государства, сфокусированный на языке. Для многих этнических эстонцев это долгожданный суверенитет после десятилетий советской оккупации. Для многих русскоговорящих это эксперимент частичной принадлежности.

Ярославна, родившаяся в Нарве в 1990 году, имеет серый паспорт. «Я чувствую в себе частицу всех людей, которые здесь жили, – говорит она. – Я родилась на границе. Трудно полностью ассоциироваться только с одной стороной».

Ивика преподает местным жителям эстонскую культуру, «потому что здесь Эстония, но без эстонцев», – отмечает она. Государство рассматривает интеграцию как вопрос овладения языком и гражданской лояльности. Но принадлежность имеет не только юридический характер. У нее есть эмоциональный, исторический, экологический факторы.

Все зависит от того, кто смотрит и кто сомневается.

После 2022 года усилились подозрения. Одни жители публично осуждали российское вторжение, другие хранили

молчание. Некоторые выражали ностальгию по советскому прошлому. Распространялись и теории заговора. Для аутсайдеров все это становилось свидетельством нелояльности. Паранойя в духе Холодной войны, безусловно, тоже составная часть настроений в регионе, выражающая исторические опасения, обездоленность и недоверие.

Скрытность может защищать и реакционные идеи, и уязвимую личность. Но свести ее к патологии означало бы упустить ее коммуникативную функцию.

Скрытность – это способ организации социальных отношений. Она создает ассоциативный другой мир наряду с миром демонстрируемым. Это допускает двойственность в контексте, требующем ясности.

Защита частной жизни и отбор тех, кому ее можно увидеть, является формой автономии и самосохранения. Она становится способом реализации того, что философ Эдуард Глиссан назвал «правом на непрозрачность»: отказа быть полностью прозрачным для систем, которые классифицируют и контролируют для того, чтобы порядок вещей оставался таким, какой он есть.

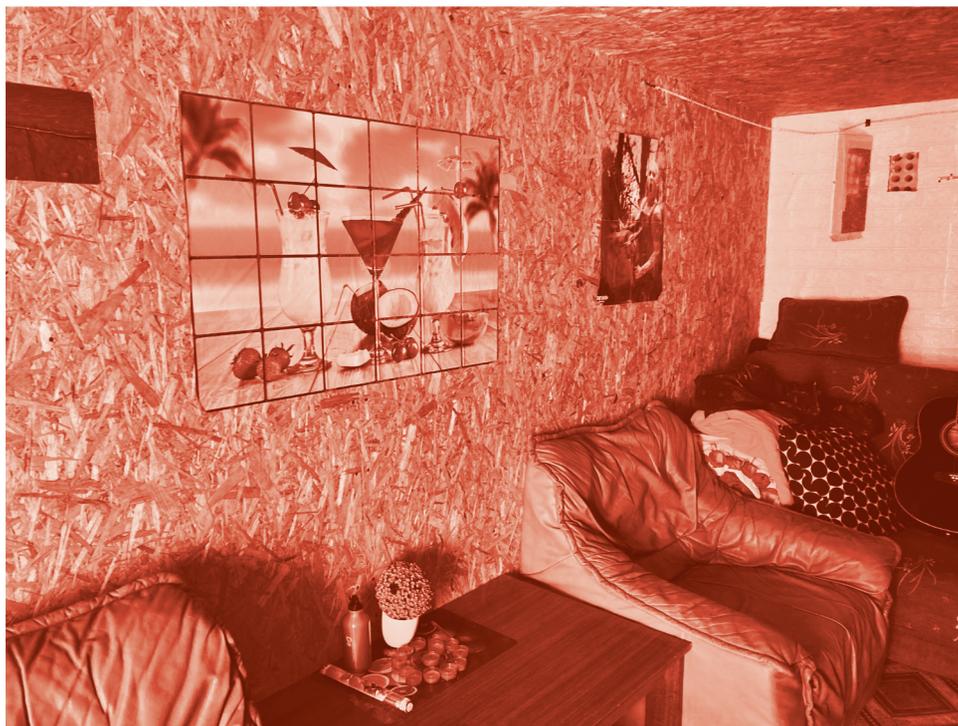
Гараж как портал

Всюду, где есть подвал или гараж, можно обнаружить и альтернативный мир.

В Кулгу вдоль воды тянется полоса гаражей. Дмитрий указывает на полуоткрытую дверь. «Это частная территория. Для меня и моих друзей». Внутри – телевизор, инструменты, еда, смех. Его сосед Владимир говорит: «Иногда мы просто вместе смотрим телевизор. В другой раз, вот как вчера вечером, пьем немного виски, пива и рома. Надо было тебе прийти к нам вчера».

Гараж занимает промежуточное положение между общественным и частным пространством. Это своего рода

гнездо или ракушка, большой ящик с дверцей, в котором скапливаются (в лучшем или худшем порядке) груды инструментов и вещей.

В советской культуре гаражи были местами интенсивного отчуждения. Они позволяли смягчать недостатки советской системы, не вступая с ней в открытую конфронтацию.

Вадим проводит выходные, перекрашивая свою лодку. «Я приезжаю сюда отдохнуть», – настаивает он. Хотя по-моему это больше похоже на труд. «–Работа – это то, чем я занимаюсь в течение недели. А это для себя и без боссов, так что я не считаю это работой».

На близлежащих дачных участках женщины ухаживают за садами. «Мы выращиваем пищу для тела и ума», – говорит Надежда. Ольга описывает жизнь в такт с временами года и источником ритма в почве.

Дача позволяет сбежать от институционального времени в сезонное. Это укрытие, с помощью которого редактируется жизнь. Она допускает иные способы общения с природой, отдельными людьми и институтами, такими как семья или государство.

Такие места расширяют сферу возможностей и преобразований, приглашают жить более насыщенно и дают пространство для испытания других способов что-либо делать, вдали от общественного контроля.

Политика прозрачности

Конфиденциальность заключается в калибровке демонстрации.

Когда я впервые начал просить жителей Восточной Эстонии показать мне свои подвалы, многие отнеслись к этому с подозрением. На местных форумах Facebook мои посты встречали хохочущие смайлики. А вдруг я вор? Или, может быть, агент тайной полиции? В условиях геополитической напряженности доверие приходится выстраивать медленно.

Жители Ида-Вирумаа не контролируют стратегию НАТО или кремлевскую пропаганду. Но они контролируют свою видимость с помощью гаражей и дач, где можно провести время просто так или согласно сезону. В этих потайных местах общественный порядок приостанавливается, позволяя формировать другие отношения. Это уголки, где могут сохраняться инакомыслие и неопределенность.

В Восточной Эстонии непрозрачность и двусмысленность достигаются материальными средствами: то, что хранится в подвале, о чем говорят только на кухне, остается подвешенным в воздухе. Это облегчает отказ от полного уравнивания, потому что есть много способов сказать «нет». И не все они громкие.

Иногда отказ принимает форму сломанной балалайки, сохраненной для ребенка, который, возможно, вырастет, говоря на другом языке. Иногда это портрет Че Гевары или православная икона, зябнущая в темноте. Иногда это мозаика на осыпающейся лестничной клетке. Или решение не уместать себя полностью в предлагаемые категории.

Эти жесты не приводят к свержению правительств. Они не останавливают шахты. Но они сохраняют возможность трансформации и допускают отступление и стратегическую амбивалентность.

В таких местах, как восточная часть Эстонии, для установления отношений с обществом часто требуется себя от него оградить. И это характерно не только для данного региона. Но история обостряет ставки: депортации, промышленная милитаризация, геополитические границы, память о том, что мы были и оккупантами, и оккупированными.

Тихо закрывается дверь в подвал нарвского дома. Наверху обсуждают историю в парламентах и на телевидении. Продолжаются громкие дискуссии об интеграции, безопасности и энергетической политике. Внизу, в темноте, в углу в Кулгу происходят другие переговоры. Диссонирующие объекты погружаются в спячку. Посеяны семена альтернативного будущего. Жизнь представляется иначе при выключенном свете или за дверью гаража.

Таким образом, скрывать – значит распространять политику на интимную сферу. Некоторые пространства должны быть скрыты, чтобы наши общества могли приспособиться к различным способам ведения дел и существования в мире.

На востоке Эстонии подвалы,

гаражи и дачи - это лабо

рантские много образа жизни.

Право скрывать

MATERIALITY
OF CRISIS
ETHNOGRAPHY LAB

MINISTERIO
DE CIENCIA, INNOVACIÓN
Y UNIVERSIDADES

Cofinanciado por
la Unión Europea

AGENCIA
ESTATAL DE
INVESTIGACIÓN